

К 90-летию Герольда Бельгера

Герольд БЕЛЬГЕР

МИМОХОДОМ

Семьдесят

Надо же... незаметно подкрался к семидесятилетнему рубежу. Так получилось: никакой моей личной заслуги в том нет. Еще вчера мне было шестьдесят, и я был бодр, разъезжал туда-сюда, хорохорился, и ветер, казалось, дул попутный, и в голове роились радужные планы. Мерещилось: солнце только-только перевалило зенит.

И вот тебе – 70! Казахи говорят: жетпіс. Слово диковинное, разделяется на два слога – «жет» и «піс». Два глагола в повелительном наклонении: жет – достигни и піс – созрей. Любопытно!

Как говорят немцы, годы неожиданно запрыгнули мне на спину. Много камней накопилось в моем корджуне, и всё чувствительнее их тяжесть.

Что бы мне хотелось в день семидесятилетия?

Прежде всего, побыть на могиле родителей. Посидеть там, помолчать в тиши, поговорить с их духами, исповедоваться, поблагодарить, вспомнить всё доброе и покаяться за невольные свои прегрешения.

И еще хотелось бы посидеть за одним столом с дочерью, внуком, сестрами, родными, слушать милый семейный вздор, почувствовать ласку и внимание близких.

Увы, нет ни того, ни другого.

Когда еще сподоблюсь навестить могилы родителей на чужой стороне?

Да и родных разбросало по разным сторонам-государствам – Германия, Россия, Узбекистан... Не соберешь их за одним дастарханом, не соберешь...

Так, чего у меня больше? Потерь или обретений?

Если есть обретения или душевные утешения, то в основном по казахской части. Есть и друзья, и поддержка, и сочувствие.

А потерь больше по части немецкой. Разъехались соплеменники, единокровники, разбрелись по белому свету, все ищут комфорта и опоры в мнимом фатерланде. И я – особенно при вечерней сутемени – всё чаще чувствую себя сторожем немецких могил. Или пилигримом под дырявым зонтиком в ненастье.

В чём я нахожу утешение?

В том, что еще шкрябаю пером, что-то говорю в печати, и к словам моим, случается, прислушиваются, а друзья-коллеги звонят домой, спрашивают про житье-здоровье, поддерживают, подбадривают, вселяют надежду и веру. Надежду на то, что еще не всё потеряно. И веру в то, что жить прекрасно и в бытовании твоём есть всё-таки какой-никакой смысл. И надо благодарить судьбу, которая благосклонно позволила тебе вступить в восьмой десяток.

28 октября 2004

Давно, еще до войны...

Не могу точно сказать, сколько тогда мне было – четыре или пять. Но помню: было это еще до войны, на Волге, в кантонном центре Гнеденфлюре. Должно быть, весна как-то враз обрушилась, ибо всё вокруг бежало, хлюпало, текло, пузырилось, серые сугробы оседали на глазах, истаивали веселыми ручейками, разбегавшимися во все стороны. Резко пахло снегом и влажным ветерком. Небо раздвинулось, голубело, кудлатые тучи резвились в лучах солнца, будто нежились, купались. Земля кое-где обнажилась, темнела проплешинами, от нее струился сизый парок. И всё вокруг казалось огромным – и небо, и домá, и редкие деревца, и ручьи, и сугробы с ноздреватыми, хрупкими закраинами, и мой папа с лопатой в руке, возвышающийся над всем этим весенним раздольем. Маленьким и беспомощным был только я. До сих пор точно помню мое тогдашнее состояние: восторг от мощи стихии, от крутого перелома в природе и страх от того, что я могу затеряться среди бесконечных ручейков, которые, ширясь, разливаясь, подбирались, крадучись, к моим ногам и стремительно бежали к речке Караман неподалеку от нашей улицы. Я стоял на крохотном пяточке рыхлого, зыбкого снега; его с озорством подмывали со всех сторон ручьи, и я цепенел от ужаса, что вот-вот и меня подхватит и унесет талая вода.

1995

* * *

...Ночь. Четвертый час. Все нормальные люди давно спят. Работают двое: дворник и я. Дворник яростно скребет лопатой, снег убирает, наледь долбит. Полезное дело делает. А я ради чего мучаюсь, навалившись грудью на кухонный стол, оглушенный немотой белого листа?

6.12.1975

По обочине?..

...Ночь. Последний трамвай прогремел за окном. Отрешенно светят фонари в молочном тумане. Тихо. Сижу и думаю: «Так ли я живу? По своему ли назначению? Работаю много. Но то ли я делаю? Не слишком ли трачу себя на праздные разговоры, житейскую суету, домашние ничтожные хлопоты, просьбы друзей, малозначительные переводы? Скорей всего, так. Годы уходят. Радостей было мало. Их будет еще меньше. Единственный смысл – работать. И быть хоть в чём-то полезным. Чтобы кто-то когда-нибудь сказал: “Нет, не совсем зря он жил на белом свете”. Я чувствую, что могу делать больше и лучше. Но я транжирю свои силы на всякую всячину. Слишком многие меня дергают». Думаю обо всём этом, и становится печально. Я, по-моему, никак не попадаю на истинную свою дорожку, а чикиляю всё больше по обочине...

1976

* * *

А клоню я вот к чему.

Прежде всего всеми возможными средствами (с помощью литературы, печати, устной пропаганды, выступлений) необходимо будет всячески вытравить так называемый национальный нигилизм, воспитав в наших людях (немцах или казахах – всё равно) – и прежде всего в преподавателях, в носителях культуры чувства:

- национальной гордости,
 - национального достоинства,
 - чести,
 - потребности родного языка,
- для чего – опять-таки в первую очередь – необходимо знать:
- свой народ,
 - свою историю,
 - свой путь развития,
 - свое место в кругу других народов,
- то есть:
- создать нравственно-духовный климат, идейно-духовную среду,
 - осознать необходимость задуманной акции,
 - суметь всколыхнуть души детей.

Лобовая агитация, постное внушение этой истины, ссылки на мудрость авторитетов, долбежка без сердца, бездушное исполнение реляций и постановлений мало что дает или вообще ничего не дает.

Начать нужно с фундамента – с чувства национального достоинства и осознанной необходимости и потребности.

И если такого чувства не будет у Ганса, то Гансик непременно вырастет безъязыким. Безъязыкий Ганс ущербен. Ущербный человек – манкурт. А манкурт не человек – тень, робот. Многие из нас стоят на самой меже манкуртизма. От нас зависит, в какую сторону мы склонимся. И вот эту-то в общем-то банальную истину следует внушить ошеломленному нашему народу прежде всего. И только сердцем осознав эту истину, мы можем всерьез говорить о духовном возрождении.

1986

* * *

С «русским духом» проблемы возникли давно. Русскость (так говорят и пишут) ослабевает, угасает, пассионарность развеивается, разжижается. Тревогу по этому поводу выразил еще Александр Одоевский:

Где ж русские? Где предков дух и сила?
Развеяна и самая молва.
Пожрала их нещадная могила,
И стерлись надписи слова!

Мангейм

Пухлый, пестрый, испещренный диковинными марками и наклейками иностранный конверт я долго вертел в руках. Незнакомый почерк. Незнакомый адрес. Незнакомая фамилия. Венесуэла. Каракас. Унгефуг. Кто это может быть?

У меня есть знакомые и даже родственники в кое-каких европейских странах, с которыми изредка переписываюсь. Но у кого из Латинской Америки до меня могут быть дела?

Алессандро Унгефуг? Хм-м... Имя звучит по-испански. Фамилия немецкая. Вроде даже как знакомая.

Письмо написано на литературном немецком языке. Но в текст там-сям вплетены близкие мне словечки и выражения поволжских немцев. Выяснилось, что в руки автора письма из неведомого Каракаса, столицы даа-ле-е-екой Венесуэлы, каким-то образом попала издающаяся в нашем Алматы на немецком языке газета «Дойче Альгемайне Цайтунг». Рассеянно просматри-

вая ее, взгляд его споткнулся вдруг на стоящей под статьей фамилии Бельгер. Интересно: что за Бельгер? Откуда?

Вспомнилось: еще в довоенное время в Автономной Республике немцев Поволжья, в Гнадекфлюрском кантоне, в селении Мангейм проживали какие-то Бельгеры. Может, этот, в газете, их потомок? Оказывается, писатель, да еще депутат. Любопытно... Взволнованный пенсионер из Каракаса Алессандро Унгефуг немедленно пишет в Алматы в немецкую газету письмо-запрос. Так-то и так, уважаемый герр Бельгер, если вы являетесь выходцем из поволжского села Мангейм, то очень прошу, дайте о себе знать.

Я тотчас ответил. Да, сам-то я родился в городе Энгельсе Саратовской области, но мои родители – уроженцы села Мангейм. До войны я там бывал не однажды. Я сын знакомых вам Карла Бельгера и Анны Гертер.

Боже, как обрадовался моему письму Унгефуг из Каракаса! Выяснилось, что он знает многих из моих родственников. Его призвали на службу в Рабоче-крестьянскую Красную армию еще в 1940 году. Служил он на Украине, где и застала его война с фашистской Германией. Вскоре очутился в плену. Фашисты не стали разбираться, кто он – русский или фольксдойче. Отправили в концлагерь. Потом он батрачил у одного немца-богача, который называл его не иначе как «руссишешвайн». Каких только унижений и оскорблений не вынес! Никаких вестей от родных и близких, понятно, не имел. Более того, о том, что Автономную Республику немцев Поволжья распустили, а немцев депортировали в Сибирь и Казахстан, что родной дом разрушен дотла, Унгефуг узнал несколько лет спустя, уже после войны. Неведомо было, остался ли кто в живых из многочисленной семьи Унгефугов.

Так и мыкался на чужбине хуже собаки, пока не освободили его из плена американцы. Советских военнопленных тут же отправили на родину, а там они как изменники оказывались тотчас в сталинском концлагере.

– Ты кто? – спросил его американский следователь.

– Унгефуг.

– Немец, что ли?

– Да, – ответил Унгефуг, не уточняя, что он, собственно, немец поволжский.

– А где родился?

– В Мангейме.

Чистая правда: в Мангейме. Но в каком? В одном только Советском Союзе Мангеймов было четыре: на Волге, под Одессой, на Кавказе и на Украине. Но откуда о том было знать американскому следователю? Он знал лишь о городе Мангейме в Германии.

– А-а... Выходит, ты местный немец?

Унгефуг произвольно мотнул головой. Это был судьбоносный миг.

– О'кей! – сказал американец. – Иди! Ты свободен!

Таким образом волжанин Унгефуг избежал советского концлагеря и остался в разрушенной Германии. Да и где теперь его родная сторонюшка? Казахстан и Сибирь он знал лишь понаслышке, даже представить их себе не мог. А вот что депортированным соплеменникам в Советском Союзе живется не совсем сладко, представлял себе ясно. О родных он по-прежнему не имел никаких вестей.

Чем только не занимался бедный Унгефуг ради выживания! Работал садовником, сторожем, строителем, пекарем, стрелочником, грузчиком, продавцом, официантом. Каких только мытарств не испытал! Все горести бездомного бродяги, лишённого всего на свете, сполна изведаль. Наяву перебивался с хлеба на воду, надрывал тело и душу, а во сне, случалось, видел родной Мангейм, Волгу, братьев и сестер, пребывая в неизбывной тоске и унынии.

В отчаянии подался в соседнюю Голландию – не прижился. Мотался по Канаде – и там не встретил счастья-удачи. Жизнь тех лет – отравленные горем и беспросветной нуждой страницы. Без слез и вспоминать невозможно. Что долго рассказывать? По прихоти судьбы очутился однажды в Венесуэле. И там мытарился изрядно. Наконец на какой-то фабрике подыскал себе работу. Женился на местной. И изъяснялись-то поначалу с трудом: она тараторила по-испански, он бормотал по-немецки. Пошли дети. Со временем свыкся со скудной, но шумной жизнью Каракаса.

Но тихое, милое сердцу немецкое село Мангейм на Волге не выходило из памяти. Ему было невдомек, что оно давно превратилось в русское село Советское. Не ведал он и о том, что его исконные жители развеемы по всем закоулкам необъятной российской империи и смешались с русскими, узбеками, казахами, башкирами, чалдонами. Ни о каких национальных катаклизмах на территории Советского Союза гражданин Венесуэлы Унгефуг и представления не имел. И вдруг – надо же! – полвека спустя всплыла перед его глазами столь знакомая фамилия Бельгер.

Унгефуг лишился днем покоя, ночью – сна. В письме ко мне он просил меня разыскать родных: вдруг хоть кто уцелел в лихолетье и обитает ныне в Казахстане. Я полистал старый отцовский альбом и – о, диво! – нашел поблекшую фотографию матери Унгефуга. Получив ее, венесуэльский пенсионер, разменявший восьмой десяток, разрыдался как ребенок. Потом по моей просьбе мой отец написал бывшему односельчанину обстоятельное письмо обо всем, что он знал о многочисленной родне Унгефуг. Пользуясь своими тогдашними депутатскими полномочиями, я довольно быстро обнаружил в нашем Павлодаре родную сестру Унгефуга. Выяснилось, что все его остальные братья и сестры погибли в годы войны кто в ссылках, кто в Сибири, кто в Казахстане, кто в Каракалпакии, кто в трудармии. У уцелевших брата и сестры была одна мечта – встретиться, свидеться. Но как? Старая, измученная болезнями Мария из Павлодара не в состоянии была добраться до брата Саши в Каракасе на краю земли. На скудной своей пенсии еле-еле сводила концы с концами с мужем-инвалидом. И престарелый, слепнувший брат не осмелился отправиться в вояж в неведомый Казахстан.

Что делать? Как быть?

Я встретился с тогдашним германским послом в Казахстане господином Айко Бракло, поведал ему всё, и он высказал мнение, что встречу брата с сестрой можно, пожалуй, организовать на территории Германии. Так, мол, будет удобно обоим. Унгефуги воспряли духом. Началась активная переписка и между ними, и с разными общественными организациями. На это ушло немало времени. Между тем Мария Унгефуг похоронила мужа и перебралась с детьми и внуками в этнический «фатерланд». А господин Бракло – надо же было так случиться – был переведен послом Германии в Венесуэлу. Теперь появилась возможность организовать деловую встречу Унгефуга с послом, который был в курсе всех дел.

Алессандро Унгефуг продолжал писать мне письма, называл меня «дорогим братом», «земляком», «уважаемым господином», «благодетелем». Раз или два я получал от него небольшие, аккуратно упакованные посылки-пакеты с карандашами, ручками, стиральными резинками, линейками, кассетами, блокнотиками, расческами, баночками кофе и плитками шоколада. О Казахстане он по-прежнему ничего не знал, полагал, что он находится где-то возле Афганистана и Пакистана, а по Алматы бродят верблюды и ишаки. Он искренне считал, что в Казахстане голод и мор, бесконечные стычки и раз-

борки, женщины ходят в паранже, а мужчины отпускают дремучие бороды до пупа. Что тут скажешь? Такое вот представление.

И вдруг наша переписка оборвалась.

А год спустя получил весточку от его сына Робертино. Письмо было написано на плохом немецком. Сын сообщал, что состояние отца ухудшилось, что хворает, совсем ослеп и беспомощен. Ни о каком дальнем пути и речи нет. К тому же жуткая инфляция «съела» все его накопления. Пенсии едва хватает на житье-бытье. Всё грустит-печалится, вспоминает родное село Мангейм на Волге. И вас, господин Бельгер, часто вспоминает. Убивается: остались ли на белом свете мангеймовцы кроме нас двоих?

Бедный, бедный земляк мой Унгефуг!

Действительно, редко кто в этом мире вспоминает ныне исчезнувшее с лица земли поволжское село Мангейм. Да, совсем-совсем немногие. Да и из них трое-четверо проживают теперь в Германии, один-двое в Канаде, да я в Алматы. И, пожалуй, всё.

Всё ушло, растаяло в дымке прошлого, кануло бесследно в Лету – и далекие безмятежные дни, и тяжкие будни, и призрачные надежды, и многолюдное немецкое село на Волге Мангейм, и даже память о нем.

Видно, не зря говорят казахи: «Голова человека – мяч Аллаха». Судьба играет человеком. И в сущности, каждая человеческая жизнь на земле – трагедия. Назови её как хочешь – роком, судьбой, фатумом, лживым, обманчивым миром, жребием-таланом – всё равно.

Мало ли на свете одиноких, неприкаянных горемык, лишившихся по злой воле родины и в горестях и муках коротающих свой куцый век?..

ВНИМАНИЮ НАШИХ АВТОРОВ!

Редакция республиканского журнала «Простор» объявляет **ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОНКУРС «ВОЛЬНЫЕ СТРОКИ»** имени выдающегося писателя Герольда БЕЛЬГЕРА (1934–2015), посвященный его 90-летию, которое отмечается в этом году. Конкурс назван так по ассоциации с его знаменитой книгой «ПЛЕТЕНЬЕ ЧЕПУХИ».

Ждем от вас сочинений в жанре короткого эссе, которые вы считаете достойными внимания любителей и ценителей слова, несущего глубокий смысл и отточенную форму.

Произведения, отобранные жюри, будут публиковаться в очередных выпусках журнала, а итоги конкурса будут подведены и объявлены в 12 номере «Простора».

Для победителей учреждены премии:

**Первое место – 100 тыс. тенге;
два вторых – по 75 тыс. тенге;
три третьих – по 50 тыс. тенге.**